

Глава 28. Свидание

Давным-давно, когда Чу Вэй был ещё ребёнком, он не понимал, почему деревенские дети не хотели с ним играть. Возможно, дело было в том, что его дом стоял на отшибе, а может, потому что он не умел говорить красивых слов. Но всё это стало неважным после знакомства с Учителем. Его жизнь наполнилась учёбой, каждый день проходил в занятиях, и чужое отношение перестало его волновать.

В те времена Чэн Даню был, пожалуй, единственным, кто с восторгом следовал за ним по пятам.

Хотя по большей части Чу Вэй всё равно предпочитал оставаться один.

Ведь только когда он был один, Учитель говорил с ним.

Постепенно Чэн Даню стал его единственным настоящим другом в деревне. Все деревенские сплетни и забавные истории он узнавал именно от него.

Чу Вэй думал, что они всегда будут друзьями, но с началом учебного года он заметил, что Чэн Даню его избегает.

Чэн Даню посмотрел на Чу Вэя, и его глаза покраснели.

— Весь семестр ты проводишь с Хуа Хайцзюнем. Я не мог найти возможности поговорить с тобой. Когда я приходил, ты избегал меня. Ты что, и правда больше не хочешь со мной общаться?

Чу Вэй взглянул на этого смуглого здоровяка и словно впервые по-настоящему его увидел.

— Почему, если я общаюсь с Хуа Хайцзюнем, ты не можешь со мной говорить? — медленно спросил он.

Чэн Даню выпятил грудь и упрямо ответил:

— Он богач, и такой заносчивый. Он презирает нас, бедняков. Мне не о чем с ним говорить.

Чу Вэй не понимал такой логики, но выражение лица у того было настолько серьёзным, словно в его словах не было ни единого изъяна.

Впрочем, это было уже неважно. Его волновало только одно.

— Почему в начале семестра ты не пошёл со мной?

Прошёл уже целый семестр. И вдруг прийти к нему с такими разговорами — разве это не странно? Чу Вэй не понимал, что всё это значит.

Чэн Даню мялся и бормотал что-то невнятное, так и не сумев внятно ответить.

В душе Чу Вэя поднялось беспричинное раздражение, и он больше не хотел его слушать.

Каждый должен нести ответственность за свои решения, даже если речь идёт о пустяках.

Он с холодным лицом направился к выходу. Чэн Даню несколько секунд стоял в оцепенении, а затем бросился за ним.

— Чу Вэй, я не специально тебя тогда бросил! У меня были причины!

Чэн Даню почувствовал, как на сердце стало тяжело. Он держал эти слова в себе целый семестр.

Чу Вэй остановился и, обернувшись, пристально посмотрел на него.

— Тогда я даю тебе шанс объясниться.

Чэн Даню сглотнул, его руки, опущенные по бокам, сжались в кулаки.

— Я... я узнал одну тайну. Ты на самом деле не из нашей деревни. Тебя... тебя продали сюда.

— Знаешь, почему деревенские дети не хотели с тобой играть? Потому что... они говорят, что ты — звезда несчастий.

В тот миг Чу Вэю показалось, что он ослышался.

Продали? Звезда несчастий?

О чём говорит Чэн Даню?

— Ты, наверное, не знаешь, — продолжил объяснять тот, — в год, когда ты появился в деревне, без всякой причины погибло много домашней птицы и скота. Поэтому пошли слухи, что ты... что ты — звезда несчастий. Все хотели тебя прогнать, и только твой дедушка заступился, поэтому тебя оставили.

Руки Чу Вэя, опущенные вдоль тела, резко сжались. В этот миг всё его тело застыло.

Он почувствовал, как пересохли губы, и с трудом выговорил:

— Откуда ты это знаешь?

— Перед началом учёбы... мне рассказал отец, — пролепетал Чэн Даню.

— И ты поверил.

Чу Вэй резко вскинул голову, глядя на этого здоровяка.

Они выросли вместе, были друзьями детства, но всё это не выдержало столкновения с какими-то нелепыми слухами.

— Сначала я не верил... — поспешно ответил Чэн Даню. — Но ты так сильно отличаешься от нас. Я просто на мгновение растерялся, да и отец мой... Чу Вэй, я правда не хотел.

— Ты весь семестр не обращал на меня внимания, ты не представляешь, как мне было тяжело. Каждый раз, когда я искал тебя, тебя либо не было, либо ты был с Хуа Хайцзюнем. Я еле дождался каникул... Я признаю свою ошибку, давай будем как прежде, а?

— Я объясню своим родным, что ты не такой...

— Не нужно.

Чу Вэй прервал его, не дав договорить.

— Они правы. Я не такой, как вы. Звезда несчастий или мастер — неважно. Чэн Даню, на этом всё.

Чу Вэй никогда не считал себя добряком. Дедушка часто говорил, что он слишком добр, но, по его мнению, именно дедушка был тем самым «простофилей».

Вот только этого «простофили» больше нет. Единственное, что связывало его с деревней, исчезло.

Чем ближе человек, тем острее чувствуется любая песчинка в отношениях. Подозрение есть подозрение. Трещина, однажды появившись, уже не исчезнет.

Чу Вэй не сказал больше ни слова и ушёл, не оборачиваясь.

Чэн Даню остался стоять на месте, глядя ему вслед. В порыве отчаяния он крикнул:

— Чу Вэй, а ты знаешь, что люди говорят, будто ты презираешь бедных и заискиваешь перед богатыми? Ты всегда сторонился людей, но в этом семестре от Хуа Хайцзюня не отходишь. Если бы он не был богат, ты бы стал с ним общаться?

Шаги Чу Вэя на миг замедлились. Кажется, раньше он был слеп.

Он даже не обернулся и через несколько шагов скрылся из вида, не оставив Чэн Даню даже своего силуэта.

«Дедушка, я сегодня кое-что узнал. Говорят, я не твой родной внук, и я вообще не из этой деревни. Вся деревня об этом знает, один я был в неведении. Это правда?»

«Правда это или нет, уже неважно. В моём сердце ты всегда будешь моим родным дедушкой. Жаль только, что я так и не успел проявить свою сыновнюю почтительность».

«Дедушка, я, наверное, буду редко сюда возвращаться. У тебя была добрая душа, так что в следующей жизни ты точно родишься в хорошей семье».

Чу Вэй стоял на коленях перед могилой, глядя на надгробие, и его глаза покраснели.

Слова Чэн Даню до сих пор отдавались эхом в его ушах.

Этот парень не умел врать, а значит, всё, что он сказал, было правдой.

Столько лет он жил в деревне как чужак. Он думал, что всё дело в его характере, но никогда не предполагал, что за этим кроется такая причина.

Дедушка так хорошо всё скрыл, не проронив ни слова. Если бы Чэн Даню сегодня не рассказал, он бы, наверное, так никогда и не узнал.

Да и неважно это всё. Он ведь прожил столько лет и был вполне счастлив.

Чу Вэй в последний раз поклонился и встал.

— Дедушка, я уезжаю. Далеко. Наверное, долго не вернусь, но ты не волнуйся, я обязательно буду тебя навещать.

Рядом внезапно возникло колебание духовной энергии. Чу Вэй резко обернулся. Перед ним стоял Учитель, которого он не видел так давно.

За эти полгода его образ стал невероятно чётким. Если не знать, что он дух, можно было бы принять его за живого человека.

— Учитель, где ты был все эти дни? Я так по тебе скучал.

Глядя на Учителя, Чу Вэй вдруг почувствовал, как на него нахлынула обида.

Перед Чэн Даню он мог сохранять ледяное спокойствие. Дедушке он мог говорить, что счастлив и не обращает внимания на слухи. Самому себе он мог внушать, что отсутствие друзей — это их проблема, а не его.

Но Чу Вэй знал, что он лишь делал вид, будто ему на всё наплевать.

Учитель не появлялся полгода, и он утешал себя, что так было всегда. В этом мире никто не обязан крутиться вокруг кого-то одного. Каждый должен научиться взрослеть в одиночку и самостоятельно справляться со множеством проблем.

Но стоило Учителю появиться перед ним, как вся эта необъяснимая обида вырвалась наружу, и в глазах предательски заблестели слёзы.

— Что за слёзы? Совсем расклеился.

Знакомый голос Учителя с привычными интонациями согрел сердце Чу Вэя, и в носу защекотало ещё сильнее.

— Ты не приходил ко мне, Учитель. Я уж было подумал, что остался совсем один.

Чу Вэй редко позволял себе детские эмоции.

В детстве он тоже плакал. У других детей были родители, которые обнимали их и утешали, но у Чу Вэя не было.

Поплакав вдоволь и не получив утешения, он постепенно перестал плакать.

Он знал, что со своими эмоциями ему придётся справляться самому. У него не было мамы и

папы, которые сказали бы «не плачь», так какой смысл был в слезах?

Но на самом деле он был всего лишь несовершеннолетним юношей. По сравнению со сверстниками, укрытыми родительским крылом, он был слишком взрослым.

Учитель поднял руку. Широкий рукав легко скользнул по щеке Чу Вэя, а ладонь нежно легла ему на макушку, взъерошив волосы.

— Как ты можешь быть один? Даже если Учитель не появляется, он всегда рядом.

Чу Вэй поднял голову. Уголки его глаз покраснели, а во взгляде блестели слёзы. Он совсем не был похож на того уверенного в себе, щеголеватого юношу.

— Учитель, это правда? — спросил он срывающимся голосом.

Хуа Жун смотрел на него сверху вниз, и в его глазах смешалось множество чувств, сдержанных и глубоко скрытых.

— Правда. Ты можешь не верить ничему в этом мире, но в том, что Учитель всегда рядом, можешь не сомневаться.

Слова Учителя развеяли всю обиду. Чу Вэй поднял руку, пытаясь ухватиться за его рукав, но ладонь прошла сквозь одежду, не коснувшись ничего, и он почувствовал лёгкое разочарование.

— Значит, если я позову Учителя, ты появишься?

Рука Хуа Жуна на мгновение замерла. Через пару секунд он ответил:

— Да.

Получив обещание Учителя, Чу Вэй окончательно пришёл в себя.

Он небрежно вытер лицо рукавом и тут же расцвёл в улыбке.

— Учитель, на зимних каникулах одноклассник пригласил меня съездить в Цзинду. Я возьму тебя с собой, хорошо?

— А ещё я познакомился с одним парнем в сети. Так странно, я никогда раньше его не видел, но чувствую, что он мне очень близок, будто мы давно знакомы.

— Учитель, я вас познакомлю, ладно?

Чу Вэй снова шёл через лес, но на этот раз рядом с ним был Учитель.

Хуа Жун молча слушал, как тот взахлёб рассказывал обо всём, чем хотел поделиться за эти полгода. Так, за разговорами, они и не заметили, как небо потемнело, и они вышли из леса.

Впереди уже виднелась толпа, оттуда доносился гул голосов.

Чу Вэй понимал, что не сможет так же беззаботно разговаривать с Учителем среди людей, а значит, тот скоро уйдёт.

Он остановился, глядя на Учителя с таким нежеланием расставаться, что оно, казалось, вот-вот выплеснется из глаз.

— Чем старше, тем больше похож на ребёнка. Иди уже.

Сказав это, Учитель исчез.

Чу Вэй и сам понимал, что стал слишком сентиментален. Собравшись с мыслями, он решительно зашагал вперёд.

Он договорился встретиться с Хуа Хайцзюнем в кафе у школьных ворот.

— Ну ты и долго! Я уже три стакана воды выпил. Смотри, у меня живот, как у беременного.

Хуа Хайцзюнь, который сидел с одним лишь лёгким рюкзаком, лениво поднялся.

При виде него у Чу Вэя вся меланхолия как рукой сняло.

Он пришёл к выводу, что молодой господин Хуа, возможно, обладал какой-то жизнерадостной внешностью и вечно весёлым нравом, а может, был просто глуп. От него так и веяло простодушием, которое не давало загрузить никому, кто находился рядом.

И как только одноклассники умудрились разглядеть в нём холодность и неприступность?

— Поехали, господин отвезёт тебя в путешествие. Увидишь, что такое столичная роскошь. В этой дыре, кроме нетронутой природы, я, честно говоря, не нашёл никаких достоинств.

Хуа Хайцзюнь так соскучился по своей огромной кровати, игровой комнате и старым друзьям.

Полгода тюремного заключения наконец-то закончились!!!

Чу Вэй вздохнул в тысяча восемьсот восьмой раз, спрашивая себя, где Учитель откопал это чудо.

Они взяли такси до вокзала. Сначала им нужно было доехать на поезде до соседнего города, а оттуда лететь в Цзинду на самолёте.

Отсюда до столицы было очень далеко.

Уже садясь в вагон, Хуа Хайцзюнь кое-что вспомнил.

Он осторожно приблизился к Чу Вэю и прошептал:

— Ты же инопланетянин, так? Ты умеешь телепортироваться? Можешь перенести меня отсюда?

В сериалах именно так и было: когда героиня попадала в аварию, герой-инопланетянин мгновенно перемещался с другого конца света, спускался с небес и спасал её. Эта сцена была невероятно крутой.

Раз уж они оба инопланетяне, может, его сосед тоже так умеет?

Чу Вэй серьёзно задумался на мгновение и подыграл ему:

— Нет, так не могу. Максимум — на крышу запрыгнуть. В сериалах всё врут, не верь им.

Хуа Хайцзюнь кивнул:

— Я так и думал. Спускаться с небес — это уже перебор.

За семестр Хуа Хайцзюнь настолько свыкся с мыслью, что Чу Вэй — инопланетянин, что это его больше не удивляло.

Какие бы способности тот ни проявлял, всё можно было объяснить его веземным происхождением.

Чу Вэй уже и не пытался его переубеждать.

Зимние каникулы были короткими, поэтому они очень торопились: с вокзала на вокзал, затем в аэропорт — вся дорога прошла в спешке.

Но когда они сели в самолёт, Чу Вэю совсем не хотелось спать.

Он летел впервые в жизни. Над облаками, на высоте в тысячи километров.

Это было совсем не то, что первая поездка на поезде. На этот раз он был расслаблен, полон предвкушения. Он с восторгом смотрел на вид за окном, слушал объявления по громкой связи, и всё вокруг казалось ему новым и удивительным.

А вот Хуа Хайцзюнь рядом уже давно крепко спал.

Через два часа самолёт успешно приземлился в аэропорту Цзинду.

Аэропорт был огромным. Выйдя из зоны прибытия на втором этаже, Чу Вэй почувствовал, что у него разбегаются глаза.

Этот процветающий мегаполис, словно прекраснейшая картина, медленно разворачивался перед ним.

Хотя была уже глубокая ночь, аэропорт был полон людей, ярко освещён и шумел.

Хуа Хайцзюнь, протирая заспанные глаза, посмотрел на бодрого Чу Вэя и не удержался:

— Знаешь, чему я больше всего завидую в вас, инопланетянах?

— Чему же?

— Вам не нужно спать, — сказал Хуа Хайцзюнь. — В школе ты всегда так: встаёшь раньше меня, ложишься позже, а энергии у тебя больше. Кто бы не хотел такое тело?

Чу Вэй удивлённо приподнял бровь, но ничего объяснять не стал.

Объяснение было бы слишком фантастическим. Его сон был равносителен духовной практике: духовная энергия, совершив несколько циклов по телу, восстанавливала силы, поэтому ему не требовалось спать так долго.

Но версия с инопланетянином была идеальной.

— Ты столько времени помогал мне с учёбой. Теперь, когда мы в Цзинду, позволь мне принять тебя как следует. Поехали ко мне, у меня дома есть гостевые комнаты.

Хуа Хайцзюнь с надеждой смотрел на Чу Вэя, но в глубине души предвкушал, как обрадуется дядя, когда увидит, что он привёз его домой.

— Нет, спасибо, — покачал головой Чу Вэй. — Я уже забронировал отель в телефоне.

Лицо Хуа Хайцзюня тут же вытянулось.

— Когда это ты успел? Мы же договаривались, что я принимающая сторона. Ты не хочешь ехать ко мне, ты что, презираешь меня?

— Вовсе нет, — объяснил Чу Вэй. — Просто мне так неудобно. У тебя дома я, наверное, и уснуть не смогу. Мы можем встречаться и гулять вместе. А отель — это просто место для ночлега, так будет удобнее.

Хуа Хайцзюнь ещё немного поугваривал его, но, поняв, что это бесполезно, сдался.

За эти полгода он успел узнать Чу Вэя получше: если тот что-то решил, переубедить его было практически невозможно.

На улице завывал ветер. Зима в Цзинду была намного холоднее, чем в уезде Цин. Хуа Хайцзюнь поёжился и спросил:

— В каком отеле ты остановился? Я тебя подвезу, за мной приехал водитель.

В этот момент у Чу Вэя зазвонил телефон. Его глаза загорелись, он посмотрел на сообщение и махнул рукой:

— Не нужно, я сам вызову такси.

Получив два отказа подряд, молодой господин Хуа обиженно фыркнул, сел в машину и уехал.

Разве у него нет гордости?

Хуа Хайцзюнь не видел, как после его отъезда на парковку аэропорта въехал до боли знакомый чёрный седан.

Чу Вэй, следуя указаниям, нашёл парковку и увидел Хуа Жуна, который уже ждал его у машины.

За полгода, что они не виделись, мужчина в его памяти ничуть не изменился.

Чу Вэй подбежал к нему.

— Почему ты стоишь на улице? Ветер такой сильный. Я же не ребёнок, нашёл бы машину по номеру.

Хуа Жун поднял руку, чтобы измерить его рост, и улыбнулся:

— Снова подрос.

Чу Вэй посмотрел на мужчину, который был на полголовы выше, и встал на цыпочки.

— Всё равно мало. Нужно ещё вырасти.

Рука Хуа Жуна, которой он измерял рост, плавно опустилась ему на макушку.

— В самый раз, — мягко произнёс он.

Чу Вэй не хотел спорить о росте. Он открыл дверь машины и подтолкнул мужчину внутрь.

— У тебя слабое здоровье, не стой на ветру.

Прежде чем закрыть дверь, Хуа Жун возразил:

— Я уже здоров.

Но Чу Вэй ему не поверил.

Во время их последней встречи полгода назад он постоянно кашлял и выглядел очень больным. Его здоровье никак не казалось хорошим.

В машине было тепло. Как только они сели, их окутал приятный уют.

До встречи Чу Вэй немного нервничал.

Он боялся, что после долгого общения только по телефону им будет неловко, возникнет какая-то дистанция.

Но увидев его вживую, он понял, что зря волновался. От Хуа Жун исходила какая-то магия, которая притягивала к себе. Ни о какой дистанции или даже вежливости не могло быть и речи.

— Ты, наверное, замёрз, пока ехал сюда посреди ночи? Я же говорил, что сам вызову такси. Я ведь не заблужусь.

Чу Вэй не считал себя болтуном, но рядом с ним ему хотелось говорить без умолку.

Хуа Жун выглядел намного лучше, чем полгода назад. По крайней мере, его лицо уже не было таким бледным, на щеках даже появился лёгкий румянец.

— Ты приехал сюда впервые, я волновался, — мягко ответил он.

— О чём тут волноваться? Я же не ребёнок.

— Да, я знаю.

Вопрос о том, ребёнок он или нет, они уже обсуждали когда-то давно, но так и не пришли к единому мнению, поскольку Чу Вэй был ещё несовершеннолетним.

Сейчас, вспомнив об этом, Чу Вэй решил снова поднять эту тему.

— У меня день рождения в мае. Скоро Новый год, а это значит, что через полгода мне будет восемнадцать. Я стану взрослым. Не надо относиться ко мне как к ребёнку.

— Хорошо, — согласился Хуа Жун. — Взрослый, которому до совершеннолетия осталось пять месяцев.

Чу Вэй и сам не понимал, почему рядом с ним он так заикнулся на вопросе возраста. Наверное, ему просто не хотелось, чтобы тот считал его ребёнком, хотелось быть с ним на равных.

Машина съехала с эстакады, и Чу Вэй назвал адрес.

Сидевший рядом Хуа Жун слегка нахмурился:

— Ты остановился в отеле?

— Да, — кивнул Чу Вэй. — Не на улице же ночевать.

Хуа Жун наклонился к нему и тихо сказал:

— Отмени бронь. Не трать зря деньги. Тебе есть где остановиться.

Он приблизился так близко, что его дыхание коснулось уха Чу Вэй. Это была предельно интимная дистанция. Настолько, что Чу Вэй на мгновение даже не расслышал, что он сказал, чувствуя лишь горячее дыхание на своей шее.

По коже пробежали мурашки, и он невольно втянул шею.

— Учитель говорил мне: не принимай даров без заслуг. Я не могу тобой пользоваться.

Хуа Жун: «...»

Он выпрямился и, подперев голову рукой, посмотрел на него.

— А твой учитель не говорил тебе, что вдали от дома нужно полагаться на друзей? — протянул он.

Чу Вэй серьёзно задумался и решительно ответил:

— Нет.

— Тогда я с радостью позволю тебе мной «пользоваться».

— Это неправильно.

Хуа Жун, глядя на его серьёзное лицо, не удержался и, протянув руку, ущипнул его за щеку.

— Ты меня другом не считаешь? Между друзьями это не называется «пользоваться». Или если я приеду к тебе в гости, ты меня на порог непустишь?

— Конечно, пушу! — тут же ответил Чу Вэй. — Просто боюсь, тебе... будет непривычно.

На щеке всё ещё ощущалось прикосновение пальцев Хуа Жун. Они были прохладными, но щека почему-то горела.

Странное чувство.

— Вот и договорились. Это то же самое. В отеле неудобно. К тому же завтра я хочу отвезти тебя в одно место. Я же обещал сюрприз.

Чу Вэй не смог устоять перед искушением сюрприза и сдался.

Машина съехала с эстакады и направилась в сторону центра. Чем дальше они ехали, тем больше вокруг становилось деревьев, густая зелень росла по обеим сторонам дороги.

Судя по всему, они поднимались в гору.

— Ты живёшь на горе? — с любопытством спросил Чу Вэй.

— Да, — кивнул Хуа Жун.

Это была гора, но не совсем. Просто местность была возвышенной, а обилие деревьев создавало ощущение, что живёшь в горах.

Это был район вилл.

А дом Хуа Жуна находился на самой вершине, в самой высокой точке.

Чу Вэй с рюкзаком за плечами вышел из машины вслед за Хуа Жуном и только тогда понял, насколько велик его дом.

Сказать, что это была вилла, значило ничего не сказать. Скорее, это было поместье.

Небольшое поместье, занимавшее всю вершину холма.

Перед домом располагался фонтан в виде двух рыб, извергающих воду, — очень красиво.

Дальше простирался сад, разбитый по обе стороны от дорожки.

Чу Вэй шёл и оглядывался, чувствуя, как весь дом пронизан потоками благоприятной энергии.

Планировка была тщательно продумана кем-то знающим, но выглядело это не как формация для привлечения богатства, а скорее как формация для сбора духовной энергии.

В формациях он разбирался не очень хорошо, поэтому не осмелился делать поспешных выводов.

Но Хуа Жун, стоявший рядом, спросил:

— Ну что, разглядел что-нибудь?

Этот тон... так походил на экзаменационный тон Учителя. Чу Вэй инстинктивно ответил:

— Это формация для сбора духовной энергии?

— Верно, — сказал Хуа Жун, ведя его дальше. — Но не совсем. Времени у тебя много, можешь поизучать.

В доме было тепло, но кондиционер не работал. Видимо, это тоже было действием формации.

Человек, спроектировавший этот дом, был очень сильным мастером.

— Я живу на третьем этаже. Комнату для тебя я уже давно приготовил, она рядом с моей. Если что-то понадобится, тебе будет удобно меня позвать.

Чу Вэй последовал за Хуа Жунуном наверх, впервые в жизни осознав, что такое «сила денег».

Если бы такой дом стоял в его деревне, в нём бы никто не жил, его бы превратили в музей. Каждый предмет здесь был продуман до мелочей.

И стоил целое состояние.

Чу Вэй не умел оценивать стоимость вещей, но чувствовал ауру, исходящую от них.

Вазы и фарфор здесь дышали древностью.

Не спрашивай, спросишь — ответят, что это антиквариат.

— В комнате есть пижама твоего размера. Она уже выстирана.

Хуа Жун провёл его в комнату.

Она выходила на южную сторону, с огромным панорамным окном, из которого открывался потрясающий вид на горы.

Была уже глубокая ночь. Стоя у окна, можно было видеть раскинувшийся внизу город,

сияющий огнями, — редкое ночное зрелище.

— Сначала прими душ и ложись спать. Завтра я отведу тебя погулять.

Всё, что делал Хуа Жун, было настолько продуманным, словно он знал его досконально.

Пижама была из чистого белого хлопка и пахла травами.

Постельное бельё — светло-серое, аккуратно застеленное. Даже обстановка в комнате полностью соответствовала вкусам Чу Вэй.

— Это всё ты обустроил?

Чу Вэй, честно говоря, боялся к чему-либо прикоснуться. Ему казалось, что всё это нереально.

В этот момент он почувствовал себя героем известной повести, попавшим в богатый дом.

Хуа Жун оглядел комнату:

— Тебе не нравится?

— Нет, — покачал головой Чу Вэй.

Ему слишком нравилось. Настолько, что на мгновение ему показалось, будто он недостойн всего этого.

Он впервые ощутил пропасть между собой и Хуа Жуном.

Чу Вэй всегда знал, что у того хорошая семья, но то, что он представлял, и то, что увидел, — было двумя разными вселенными.

Глядя на ночной город за окном, он впервые ощутил зарождение амбиций.

Хуа Жун незаметно встал рядом с ним, и они вместе смотрели вниз.

Чу Вэй повернул голову и серьёзно спросил:

— Как мне стать таким, как ты?

Хуа Жун обернулся и посмотрел на него сверху вниз.

Их взгляды встретились, и между ними проскользнуло что-то неуловимое.

Хуа Жун слегка улыбнулся:

— Тебе не нужно становиться мной. Ты станешь лучше меня.

В этот миг что-то коснулось сердца Чу Вэя. словно мощная сила, она развеяла всю его неуверенность.

Глядя на такого Хуа Жуна, Чу Вэй не удержался:

— Ты так похож на моего Учителя.

В глазах Хуа Жуна мелькнул смех.

— И какой же он, твой Учитель? — спросил он в ответ.

При упоминании Учителя глаза Чу Вэя засияли, и он невольно улыбнулся:

— Учитель — самый лучший человек на свете.

Хуа Жун ничего не ответил, лишь снова потрепал его по голове.

— Отдыхай.

Чу Вэй думал, что на новом месте не сможет уснуть, но на самом деле, едва его голова коснулась подушки, он провалился в сон. Он спал так крепко, что ему даже не снились сны.

Даже в школе он не спал так глубоко, большую часть времени посвящая духовной практике.

Но сегодня его сон был на удивление спокойным.

Проснувшись, Чу Вэй ещё несколько секунд лежал в полудрёме, пытаясь понять, где он. Затем босиком встал с кровати и рывком распахнул шторы.

Солнце светило ярко. Его тёплые лучи проникали сквозь огромное панорамное окно, приятно согревая тело.

Теперь он понимал, почему Хуа Хайцзюнь так хотел переделать их комнату в общежитии.

От хорошего к плохому привыкнуть сложно.

К такой красоте, наверное, стремится каждый.

В гостевой комнате была своя ванная, где уже были приготовлены все туалетные принадлежности. Очень предусмотрительно.

Чу Вэй посмотрел на своё отражение в зеркале. На мгновение ему показалось, что он видит какую-то картину из прошлого, словно такая жизнь всегда должна была принадлежать ему.

Но видение было таким мимолётным, что показалось иллюзией, и тут же исчезло.

Он плеснул в лицо пригоршню воды, решив, что, наверное, ещё не до конца проснулся.

Когда он привёл себя в порядок, в дверь постучали.

Чу Вэй открыл и увидел на пороге Хуа Жуна.

— Пойдём.

— Куда? — растерянно спросил Чу Вэй.

Хуа Жун привычно взял его за руку и повёл вниз.

— Завтракать.

Завтрак был очень сытным. Чу Вэй даже немного переел.

Единственное, что смущало, — это мужчина в чёрном, должно быть, дворецкий, который всё время смотрел на него.

Мало того, что смотрел, он ещё и улыбался. И как описать эту улыбку?

В ней было какое-то необъяснимое отеческое тепло.

От этого взгляда у Чу Вэя по спине пробежал холодок, и он невольно ускорил темп.

После завтрака Хуа Жун сам сел за руль, и они поехали.

На вопрос, куда они едут, он не ответил, лишь загадочно сказал, что это секрет и он всё узнает по прибытии.

Машина ехала больше часа, немного постояли в пробке, но в конце концов добрались до места назначения.

Чу Вэй поднял глаза и, увидев четыре больших иероглифа, замер — «Столичный парк развлечений».

— Это... парк аттракционов?

Он же говорил, что не считает его ребёнком. Зачем привозить его в такое место? Разве это не для детей?

В представлении Чу Вэя, такие места были созданы для развлечения детей. Он, такой взрослый, здесь неуместен.

Хуа Жун припарковал машину и повёл его ко входу.

— Здесь же одни дети. Зачем ты меня сюда привёз? — всё ещё недоумевал Чу Вэй.

— В парках развлечений не только дети играют, — с улыбкой ответил Хуа Жун. — К тому же, некоторые аттракционы совсем не для детей. Заходи, сам всё увидишь.

Чу Вэй с сомнением последовал за ним, но, оглядевшись, заметил, что вокруг было много и взрослых.

И много пар, которые держались за руки.

Чу Вэй впервые был в таком месте и чувствовал себя немного растерянно.

Поймать призрака для него не было проблемой, одолеть демона — тоже. Но развлекаться... это было странно.

Они подошли к кассам. Людей было не так много, и вскоре Хуа Жун вернулся с двумя билетами.

Чу Вэй, ожидая его, заметил рекламный плакат: «Место для свиданий. Скидка на парные билеты 15%».

«Место для свиданий?»

Слово «свидание» почему-то обожгло ему глаза. Он быстро отвёл взгляд.

Когда они проходили через турникет, контролёр несколько раз посмотрел на него, так что Чу Вэй начал думать, не испачкался ли он где-нибудь.

— Почему он всё время на меня смотрит?

Чу Вэй осмотрел себя — с одеждой всё было в порядке.

Хуа Жун сделал вид, что задумался, а потом повернулся к нему и серьёзно сказал:

— Потому что ты красивый.

Стройная фигура юноши была укутана в чёрный пуховик, а белый мех на капюшоне почти скрывал половину его лица, оставляя на виду лишь небольшое нежное личико.

У него были утончённые черты и лёгкий налёт холодной отстранённости во взгляде.

Годы духовной практики наделили его особой, неземной аурой, словно он был маленьким бессмертным, не знающим мирских забот.

За всё время, что они шли, на него оглянулось уже немало людей.

От похвалы Хуа Жуна уши Чу Вэя покраснели.

Многие говорили ему, что он красив, ему даже тайно подбрасывали любовные записки, где пышными словами на целую страницу описывали его внешность, но ему всё это было безразлично и даже скучно.

Но когда эти слова произносил этот человек, они звучали совсем иначе. От них на душе становилось по-особенному тепло, а щёки начинали гореть.

Чу Вэй смущённо отвернулся и, чтобы скрыть своё состояние, спросил:

— Ты бывал здесь раньше? Что тут есть интересного?

— Я тоже здесь впервые, — покачал головой Хуа Жун. — Попробуем всё по порядку?

Взгляд Чу Вэя упал на видневшиеся вдали гигантские качели, башню свободного падения, американские горки, парапланы, колесо обозрения... и его глаза загорелись азартом.

— Тогда давай попробуем всё.

Юность всегда бесстрашна и жаждет испытаний.

Ни один ребёнок не уйдёт из парка развлечений разочарованным.

Чу Вэй не был исключением. В глубине души он всё ещё был подростком. Каким бы сильным и взрослым он ни казался, под этой маской скрывалась его истинная натура.

Сказано — сделано. Хуа Жун действительно пошёл с ним пробовать всё подряд.

Первым аттракционом были гигантские качели.

Чу Вэй сел в кресло, позволил сотруднику пристегнуть его ремнями безопасности и с восторгом посмотрел на Хуа Жуна.

— Тебе не страшно?

— А тебе? — покачал головой Хуа Жун.

Чу Вэй приподнял бровь. Он, человек, способный летать по крышам, испугается какой-то железки?

И тут качели взмыли ввысь.

Стремительное падение и раскачивание вызвали ощущение невесомости, и вокруг раздались пронзительные крики.

В момент, когда качели опустились, Чу Вэй инстинктивно схватил Хуа Жуна за руку.

Это было не то, чего он ожидал... Летать по крышам было совсем не так.

— Можешь попробовать закричать.

В этом бешеном ветре слова Хуа Жуна долетели до него на удивление чётко.

Вокруг все кричали — безудержно, радостно. Эти крики, способные развеять все тревоги, обладали заразной силой.

Он на мгновение засомневался, но не смог устоять перед искушением.

— А-а-а-а...

Чу Вэй открыл рот, и его крик, казалось, унёс с собой всё накопившееся недовольство и затаённые сожаления.

Это было совершенно новое, ни с чем не сравнимое чувство.

Он знал, что никогда не забудет этот момент.

После гигантских качелей были башня свободного падения, американские горки, парaplаны — Чу Вэй опробовал все самые экстремальные аттракционы.

Он был как настоящий ребёнок, сбросивший маску серьёзности. Его скрытая под внешней сдержанностью натура вырвалась наружу. Он с восторгом тащил Хуа Жуна с одного конца парка на другой, и в конце концов они сели на колесо обозрения.

Колесо обозрения в Столичном парке развлечений считалось самым высоким в стране. Полный оборот занимал почти час.

С его вершины можно было увидеть весь Цзинду, вся панорама города была как на ладони.

Чу Вэй стоял у двери кабинки и смотрел, как они поднимаются всё выше и выше, прильнув к стеклу.

Он был так взволнован, так счастлив, что сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. В нём бурлила неиссякаемая энергия.

Хуа Жун стоял позади него и, глядя на такого юношу, не удержался и снова потрепал его по голове.

Мягкие волосы были невероятно приятны на ощупь.

— Весело?

Чу Вэй обернулся, и его глаза сияли от радости.

— Очень! — восторженно ответил он. — Мне сегодня так весело!

Он никогда ещё так от души не смеялся, так беззаботно не веселился.

Колесо обозрения медленно достигло высшей точки. Земля со всеми её людьми и вещами отдалилась, мирская суета и шум исчезли.

Чу Вэй смеялся, но вдруг почувствовал, как в носу защипало.

Он отвернулся от Хуа Жуна и, делая вид, что спокоен, спросил:

— Зачем ты привёз меня сюда?

Хуа Жун стоял рядом и тоже смотрел на раскинувшуюся внизу землю.

В его глазах отражалась макушка юноши с пушистыми волосами.

— Я хотел, чтобы ты почувствовал, каково это — быть ребёнком, — его голос, как всегда мягкий, прозвучал у самого уха Чу Вэя.

Как твой Учитель, я хочу, чтобы ты был несокрушим и всепобеждающ, чтобы никакие трудности не могли тебя сломить.

Как Хуа Жун, человек, стоящий рядом с тобой, я просто хочу, чтобы ты был счастливым ребёнком.

<http://bllate.org/book/16969/1586804>